

ЦИКЛЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены исторические циклы модернизации России в контексте проблем национальной безопасности. На основе анализа российского исторического опыта были выделены четыре цикла модернизации страны, обусловленные критерием реализации глобальных целей и взаимодействием с мир-системой. При этом модернизация практически всегда определялась необходимостью обеспечения безопасности государства перед лицом угрозы в виде конкретных агрессоров или отрицательной международно-политической и социально-экономической конъюнктуры.

Ключевые слова: Россия; циклы модернизации; национальная безопасность; имперская модель; либеральная модель; периферия; полупериферия; ядро.

PASHKOVSKY P. I.

CYCLES OF MODERNIZATION AND PROBLEMS OF RUSSIAN NATIONAL SECURITY

ABSTRACT

Historical cycles of Russian modernization in the context of national security issues have been considered. Based on the analysis of the Russian historical experience, it has been allocated four cycles of modernization of the country, which have been caused by the criterion of implementation of global commitments and interaction with the world-system. At the same time the modernization is almost always been driven by the need to ensure national security in the face of threat in the form of specific aggressors or negative international-political and socio-economic conditions.

Keywords: Russia; cycles of modernization; national security; imperial model; liberal model; periphery; semi-periphery; core.

Перспективы социально-экономического развития, внутривнутриполитической стабильности и внешнеполитического позиционирования государств во многом определяются их способностью соответствовать требованиям времени. Так, Российская Федерация – ведущий геополитический актор на постсоветском пространстве и значительная мировая держава – в условиях постиндустриальной эры сталкивается с угрозами нарастания периферийных процессов, чреватых ухудшением её социально-экономического положения, потерей научно-технического потенциала и последующим «выталкиванием» из «клуба» наиболее влиятельных государств мира. Данные проблемы актуализируются в связи с современным увеличением международной напряжённости, обострением конфликта нашей страны с Западом и последствиями антироссийских санкций. Следуя историческому опыту, самым действенным выходом из аналогичных ситуаций становилась масштабная модернизация. Действительно, на протяжении последних трёх столетий проблема модернизации являлась для России одной из важнейших, определяя её «выживаемость», темпы развития и способность конкурировать со странами ядра мир-системы на международной арене. В этом отношении показательным выглядит утверждение академика

Е. Примакова, отмечавшего применительно современного положения нашей страны: «Модернизация будет осуществляться потому, что мы понимаем, что это не лозунг, а требование жизни» [16, с. 27].

Изучение различных аспектов российской модернизации располагает обширной историографией [1–27], характеризующейся значительными расхождениями в выводах и исследовательских оценках. Однако в полной мере нераскрытыми остаются вопросы выделения циклов модернизации России сквозь призму проблем национальной безопасности и обобщения их специфики: продолжительности, содержания, социально-экономических и общественно-политических последствий. Целью настоящего исследования выступает рассмотрение особенностей циклов модернизации нашего государства в контексте проблем обеспечения национальной безопасности.

Понятие модернизации (от греч. *moderne* – новейший), как процесса «обновления», масштабного реформирования на пути «перехода от традиционного общества к индустриальному (современному)» [19, с. 22–23], имеет двоякую трактовку в виде «первичной» и «вторичной». Применительно к России зачастую используют второй вариант. «Вторичная», «догоняющая» модернизация предполагает, что одни элементы

общества «убежали» вперёд, более или менее соответствуют развитию в передовых странах, а другие ещё не «вызрели», отстают в своём развитии или вовсе отсутствуют» [15, с. 162]. Очевидным также представляется, что «в результате многовекового исторического взаимодействия с западной цивилизацией в России сложилась устойчиво воспроизводимая амбивалентная ситуация, при которой социокультурные основания российской цивилизации определяются и внутренне стабилизируются маятниковым циклом, где доминанта имперской модели модернизации чередуется с компонентой модели либеральной. При этом модернизационный процесс имеет свою устойчивую доминанту – имперскую модель модернизации» [3, с. 36]. Некоторые исследователи в качестве третьей модели выделяют «большевистский проект», рождённый революционным импульсом и основанный на колоссальной мобилизации внутренних ресурсов. Однако они же соглашаются с тем, что руководители СССР в значительной мере продолжили модернизационную траекторию царской России и имперскую модель, привнеся в неё плоды «развитого общества модерна» [5].

Императивом «догоняющей» модернизации российского образца, как правило, являлось наличие фактора «внешней угрозы» безопасности государства, необходимость реагирования на который заставляла проводить масштабное и ускоренное реформирование. В частности, «мощные импульсы военно-политического, экономического, культурного и идеологического порядка, которые в XVIII–XX вв. понуждали Россию к ускоренной (преимущественно военно-политической) модернизации, были во многом обусловлены ритмами международного политического развития – подвижками в глобальной системе мировых центров политической и экономической силы, чередующимися периодами мировых кризисов, технологических переворотов и т. п.» [9, с. 45].

Характер и особенности процесса модернизации России на разных исторических этапах были обусловлены её географической, социально-экономической и цивилизационной спецификой [11; 12; 13; 25; 27]. Первые попытки модернизации Руси некоторые специалисты относят к годам правления Бориса Годунова (1598-1605) [17] и Лжедмитрия I (1605-1606) [24, с. 10]. Но большинство учёных сходятся в том, что действительная модернизация России началась только в период реформ Петра I (первая четверть XVIII в.) [18; 21; 23]. Д. Ливен

называет данное явление «погоней за Людовиком XIV», борьбой «за превращение страны в великую европейскую военную и финансовую державу» [10, с. 39].

Следует отметить, что, по мнению И. Валлерстайна, именно в XVIII в. (в период между правлениями Петра I и Екатерины II) Россия вошла в капиталистическую мир-экономику в статусе полупериферии [1, с. 38-39]. Этому во многом способствовала модернизация в виде «вестернизации» российского государства и общества. Как отмечал А. Тойнби, Пётр I стремился «коренным образом преобразовать Московию, превратив её из русского православно-христианского универсального государства, верящего в свою исключительную миссию, в динамическое локальное государство, составной элемент европейской системы» [18, с. 509]. «К концу семнадцатого века, – уточнял С. Хантингтон, – Россия не только отличалась от Европы, но отставала от неё, что выяснил Пётр Великий во время своего путешествия по Европе в 1697–1698 годах. Он был полон решимости как модернизировать, так и вестернизировать свою страну». У этого процесса имелись и отрицательные последствия: «В стремлении сделать свою страну современной и западной, однако, Пётр также усилил азиатские черты России, доведя до совершенства деспотизм и искоренив любые потенциальные источники политического и общественного плюрализма» [22, с. 212].

Наибольшего размаха процесс масштабного реформирования параллельно с наступательным внешнеполитическим курсом достиг в годы царствования Екатерины II (1762-1796), которая стремилась «модернизировать и вестернизировать Россию, а также усилить её автократическую власть» [22, с. 213]. Конец первого цикла модернизации исследователи относят к первым десятилетиям XIX в.: «Поражение, которое Александр I нанёс Наполеону, символизировало успех этого предприятия, однако его настигла индустриальная революция, которая к середине XIX века изменила баланс сил в Европе» [10, с. 39-40]. В результате этого в период между правлениями Екатерины II и Александра II происходит ухудшение условий обмена между Россией и ядром капиталистической мир-экономики, что было чревато «сползанием» страны на периферию [4].

К тому времени в социально-экономическом и техническом отношении Россия всё больше отставала от развитых стран Запада. «Российская империя опаздывала, – констатировал Дж. Хоскинг, – и

это опоздание ставило её в опасное положение, что вскоре подтвердил исход Крымской войны» [23, с. 164]. В годы правления Николая I (1825-1855) российская промышленность в целом продолжала развиваться. Но, подчёркивает Б. Кагарлицкий, «узкий внутренний рынок оказывался уже недостаточным для владельцев русских мануфактур. Для того чтобы поддерживать промышленный рост, правительство, с одной стороны, прибегало к протекционизму, защищая российский рынок от английской конкуренции, а с другой стороны, нужно было искать новые рынки. Ясно, что вывозить русские промышленные товары в Европу не было серьёзной возможности. Значит, рынки необходимо было обеспечить на Востоке – в Турции, Персии, Средней Азии. Русская внешняя политика становится по необходимости экспансионистской» [7, с. 314].

Показательно, что промышленная революция, захлестнувшая в этот период западные страны, Российской империи практически не коснулась. «...Проблемой для России в 1853 году оказалась не отсталость как таковая, а промышленная революция, разворачивавшаяся на другом конце Европы. Изобретение парового винта в 40-е годы привело к перевороту в военно-морском деле, который обесценил все прежние усилия Петербурга по укреплению флота. Построить и ввести в строй совершенно новый флот страна была не в состоянии. Точно так же не готова она была и к перевооружению сухопутных войск стрелковым оружием нового поколения... Наконец, роковую роль в войне сыграло отсутствие у России развитой железнодорожной сети» [7, с. 329]. Поражение в Крымской войне во многом побудило Александра II отменить крепостное право, начав «второй большой цикл модернизации, чтобы обеспечить выживание России как великой державы в индустриальную эпоху» [10, с. 40].

Но после 1873 г. произошло «наложение» циклического сжатия капиталистической мир-экономики на внутрисоветский социально-политический кризис. России явно не хватало экономических ресурсов, необходимых для многостороннего реформирования. «Националистический консерватизм» К. Победоносцева имел реакционную окраску, а последующие реформы С.Витте и П.Столыпина представляли собой «бюрократически направляемую индустриализацию», которая к тому же не была доведена до конца [1, с. 39]. Начало XX в. ознаменовалось экономическим кризисом во всех промышленно развитых стра-

нах, который, однако, довольно быстро сменился новым экономическим подъёмом. В противовес им Российская империя столкнулась с длительной полосой застоя и депрессии вследствие форсированного проведения модернизации, что привело к деформации структуры промышленного сектора и отставанию сельского хозяйства [7]. А неудачный исход русско-японской кампании 1904–1905 гг. продемонстрировал действительный уровень готовности российской армии и флота к ведению войн в новых условиях [21].

Первая мировая война обнажила слабые стороны модернизационных усилий российских властей. «Недостаток ружей, амуниции, боеприпасов и другого военного снаряжения, – подчёркивал Р. Уорт, – недостаточно развитая транспортная система; нехватка докторов, медсестёр и медицинских материалов и некомпетентность большого числа военных командиров – всё это проявилось уже в первые несколько месяцев войны» [20, с. 12]. К 1918 г. ситуация ещё более усложнилась. «Война искажила образ производства в тот момент, когда наиболее важным стал вопрос о возвращении к условиям мирного времени. Все ведущие отрасли промышленности перестроились и стали работать на Красную Армию», – считали эксперты [2, с. 57]. Для начала модернизации была необходима хотя бы относительная внутривнутриполитическая стабильность.

Таковая была достигнута после образования СССР, проблема позиционирования которого в мировой капиталистической системе является дискуссионной. Характерно, что И. Валлерстайн отводил Советскому Союзу место полупериферии и, одновременно, второй сверхдержавы, определяя холодную войну как «контролируемое соперничество-партнёрство» [1, с. 40]. Существует и противоположная точка зрения, обосновывая которую Г.Завалько отмечал: «СССР не был полупериферией КМЭ (капиталистической мир-экономики. – П. П.) и вообще не входил в КМЭ, а был центром другого мира-системы, который образовался путём откола от КМЭ и где существовал эксплуататорский строй, отличный от капиталистического – индустриально-политарный – результат неудачного строительства социализма в отсталых странах». «После того, – продолжал он, – как политарные производственные отношения превратились в помеху на пути развития производительных сил, индустриализм в СССР и Восточной Европе рухнул, причём не без влияния КМЭ, реальным (а не бутафорским)

соперником которого был побеждённый мир-система. СССР в последние годы своего существования постепенно втягивался в зависимость от КМЭ; новые независимые государства, появившиеся из его обломков, с самого начала возникли как страны зависимого капитализма» [4].

Думается, что обе интерпретации данной проблемы выглядят спорными. Вместе с тем, убедительной представляется мысль о том, что опыт существования советской системы являлся попыткой «противопоставить себя миросистеме, оторваться от неё, создать вокруг себя собственный международный порядок» [7, с. 571-572]. Символом выбора СССР в пользу противопоставления себя мировой капиталистической системе и курса на создание автаркического союза стала модернизация в виде индустриализации конца 1920-х–1930-х гг., когда происходило постепенное свертывание НЭПа, внедрение плановой экономки и переориентация на развитие тяжёлой промышленности [6, т. 2, с. 551-564]. Ценой огромных усилий и жертв такая модернизация в Советском Союзе принесла свои плоды. «Между 1921-м и 1940 гг., – акцентировал А. Уткин, – в стране произошли огромные перемены: доля городского населения повысилась с 29 до 50%. Численность инженеров возросла с 47 тыс. в 1928 г. до 289 тыс. в 1941 г. За две пятилетки (1928–1937) валовой продукт страны вырос с 24,4 млн. руб. до 96,3 млн. Выплавка стали увеличилась с 4 млн. т до 17,7 млн., добыча угля – с 35,4 млн. т до 128 млн. Страна пятикратно увеличила производство самолётов, прочно заняв первое место в мире (10 тыс. самолётов в 1939 г.). В течение одного десятилетия Россия сделала то, чего не смогла за предшествующие века, – обошла Италию, Францию, Японию, Британию и Германию по основным экономическим показателям» [21, с. 147]. Однако Вторая мировая война внесла свои коррективы в этот процесс: советская промышленность переходит на «военные рельсы» [14, с. 542-543]. Послевоенный четвёртый пятилетний план (1946–1950) предусматривал быстрый рост всех отраслей экономики. В полном объёме он выполнен не был, но промышленность и сельское хозяйство быстро достигли довоенного уровня, а к началу 1950-х гг. даже превысили его показатели [26, р. 16-17].

Но уже на заре 1970-х гг. социально-экономическая и общественно-политическая система СССР опять нуждалась в значительном реформировании, соразмерном требованиям времени. «...Глобальная капиталистическая экономика, – подчёркивал

Д. Ливен, – вновь обманула ожидания победившей России, перейдя к 1970-м годам в постиндустриальную эпоху, что грозило Советскому Союзу отсталостью, унижением и незащищённостью, если он не сумеет догнать Запад. В этом кроется самая элементарная причина перестройки» [10, с. 40]. Специфику внутренних проблем советской системы охарактеризовал Б. Кагарлицкий: «По мере того, как утрачивался революционный импульс, бюрократия, присвоившая себе плоды героических усилий народа, становилась всё более консервативной. ... Крушение этой системы было закономерно, но неизбежным оно стало с того момента, когда бюрократическая элита использовала поворот к миросистеме в качестве защитной реакции против «реформистской угрозы», вызревавшей внутри самого советского общества. Торговля сырьём в 1970-е годы готовила политическую самоликвидацию советской империи в 1990-е годы» [7, с. 571-572]. В результате дезинтеграции Советского Союза РФ достаётся положение полупериферии, а большинству новых независимых государств – периферии мировой капиталистической системы [8, с. 104].

Итак, анализ российского исторического опыта позволяет выделить четыре цикла модернизации страны, обусловленных критерием реализации глобальных целей и взаимодействием с мир-системой. При этом модернизация практически всегда определялась необходимостью обеспечения безопасности государства перед лицом угрозы в виде конкретных агрессоров или отрицательной международно-политической и социально-экономической конъюнктуры (изменения в системе мировых центров силы, периоды мировых кризисов, технологические перевороты и т. п.).

Первый цикл продолжался с конца XVII до начала второго десятилетия XIX в. (1698–1811 гг.). В это время модернизация в форме «вестернизации» способствовала тому, что в XVIII в. (в период между правлениями Петра I и Екатерины II) Россия интегрировалась в мировую капиталистическую систему, позиционируясь как полупериферия, то есть государство, сочетающее черты периферии и ядра. Но по своим характеристикам она являлась империей, проводя активную внешнюю политику. А её стремление преодолеть периферийные процессы и приблизиться к ядру мир-системы обусловило «догоняющий» характер модернизации российского государства и общества. Победа России в Отечественной войне 1812 г. характеризует в целом позитивный для неё итог данного цикла модернизации.

К середине XIX в. под влиянием индустриальной революции в Европе происходит ухудшение условий обмена между Россией и ядром капиталистической мир-экономики, усилившее процесс «сползания» на периферию страны, нуждающейся в многостороннем реформировании. Это подтвердил негативный для Российской империи исход Крымской войны, что побудило российские элиты отменить крепостное право, взяв курс на масштабную модернизацию.

Второй цикл модернизации России датируется концом 50-х гг. XIX – началом XX в. (1859-1911 гг.). Между тем, в последней трети XIX в. происходит «наложение» циклического сжатия капиталистической мир-экономики на внутривосточный социально-политический кризис, катализировавший периферийные процессы в империи. В итоге недостаток экономических ресурсов, «националистический консерватизм» властей, «бюрократически направляемая индустриализация» и форсированная модернизация приводят к трагедии России в Первой мировой войне и революционным событиям 1917 г.

Проблема позиционирования СССР в мировой капиталистической системе представляется дискуссионной. Согласно одной точки зрения, Советский Союз, как и Российская империя, был полупериферией, одновременно став второй сверхдержавой, а холодная война определялась не иначе как «контролируемое соперничество-партнёрство». Другой взгляд акцентирует, что СССР вообще не входил в капиталистическую мир-экономику, являясь центром иной мир-системы, основанной на отличающемся от капиталистического «индустриально-политарном строе».

На этом фоне справедливым видится утверждение, что «советский эксперимент» являлся попыткой «вырваться» из современной мир-системы, создав собственный международный порядок. Выбор в пользу автаркии был сделан в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в процессе свёртывания НЭПа, внедрения плановой экономки и переориентации на развитие тяжёлой промышленности, положив начало третьему циклу модернизации России (1929-1941 гг.) в форме индустриализации в условиях репрессий тоталитарной системы, которая всё же дала свои результаты. Экономический рост продолжился и после Второй мировой войны вследствие выполнения пятилетних планов.

Поскольку к началу 1970-х гг. капиталистическая мир-экономика вступает в постиндустри-

альную эру, Советский Союз снова оказывается перед необходимостью модернизации для преодоления периферийных процессов. Страхась «реформистской угрозы», его бюрократическая элита совершает «поворот» в сторону современной мир-системы, что выразилось в торговле сырьём в 1970-е гг., а затем – в форсированном реформировании времён «перестройки» второй половины 1980-х и периоде постсоветской России 1990-х гг. – четвёртом цикле российской модернизации. Подобное оборачивается нарастанием кризисных проявлений в советском государстве и обществе при падении цен на сырьё, усилившихся в результате последствий «перестроечных» процессов и приведших, в конечном счёте, к дезинтеграции СССР. Вследствие этого Российская Федерация оказывается в положении полупериферии, а большинство новых независимых государств – периферии в рамках мировой капиталистической системы.

Исторический опыт показывает, что «догоняющая» модернизация российского образца оборачивалась как положительными последствиями, так и социально-экономическим дисбалансом, и дезинтеграцией империи. В этой связи позитивными представляются результаты первого и третьего (с оговорками относительно репрессий тоталитарной системы) циклов модернизации, демонстрирующих её имперскую модель и характеризующихся социально-экономическим оживлением, общественно-политической централизацией и расширением территории государства. При этом условия, в которых протекали данные циклы, отличались позиционированием России в мир-системе, спецификой её социально-политического уклада, характером реформ и их временной протяжённостью. Если первый, наиболее длительный цикл модернизации как «вестернизации», проходил в рамках полупериферийного статуса Российской империи, включая три волны (1698–1725, 1741–1796, 1801–1811 гг.) с последующими «откатами» (1725–1741, 1796–1801, 1811–1859 гг.), то третий (1929-1941 гг.), значительно более короткий цикл, протекал в форме форсированной индустриализации в условиях автаркии советской системы [11]. Таковая проявлялась в жёстком контроле государства над интегрированным пространством (отсоединённым от центра мировой финансово-экономической системы) и многостороннем его реформировании за счёт внутренних ресурсов, что позволяло стране выйти из полупериферийного положения, обеспечив экономическую и политическую независимость

на период порядка 50 лет. После этого замкнутая система нуждалась во временном «открытии» для проведения масштабной модернизации.

Второй (1859–1911 гг.) и четвёртый (1985–1990-е гг.) циклы модернизации, относимые к либеральной модели и приведшие к отрицательным последствиям во многих сферах, которые обусловили дезинтеграцию империи, также отличались по ряду параметров. Более продолжительный второй цикл (включавший повышательные фазы в 1859–1873, 1905–1911 гг. и понижительные – в 1873–1905, 1911–1920 гг.) осуществлялся в рамках полупериферийного статуса Российской империи [12; 13]. Помимо форсированной модернизации и «перегибов» местных властей, к негативным результатам привело наложение данного цикла на период циклического сжатия капиталистической мир-экономики вследствие зависимости от неё. В свою очередь, форсированное и во многом непоследовательное реформирование в рамках четвёртого цикла было осложнено внезапным и хаотичным открытием советской системы для современной мир-системы, что способствовало активизации периферийных процессов и последующей дезинтеграции СССР.

В современных условиях увеличения конфликтности во взаимоотношениях России и стран Запада, проводящих политику её изоляции и геополитического сдерживания, представляется необходимым обратиться к историческому опыту подобных ситуаций, показывающему целесообразность выбора нашим государством имперской модели модернизации с целью построения автаркической системы. Подобное должно проявиться во внутренней мобилизации и многостороннем реформировании России в контексте курса на минимизацию её зависимости от, находящейся в глубоком кризисе, капиталистической мир-экономики, как обычно, пытающейся решить проблемы своего ядра (центра) за счёт ресурсов полупериферии и периферии. В противном случае итог глобальной геополитической конкуренции стран ядра мир-системы с нашим государством, занимающим в ней полупериферийное положение, будет предreshён. Лишь став самодостаточной в результате проведения масштабной модернизации в рамках имперской модели и последующего достижения независимости от западнцентричной мир-экономики, Россия сможет рассчитывать на успех в этом историческом противостоянии.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500 – 2010 // Свободная мысль. – 1996. – № 5. – С. 30-42.
2. Всемирная история: Мир в период создания СССР / Бадак А.Н., Войнич И.Е., Волчек Н.М. и др. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2002. – 426 с.
3. Гавров С. Н. Модернизация России: постимперский транзит: Монография / Предисловие Л.С. Перепёлкина. – М.: МГУДТ, 2010. – 269 с.
4. Завалько Г. Мировой капитализм глазами И.Валлерстайна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_825.htm.
5. Ирхин А. А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины. – Севастополь: Рибэст, 2011. – 294 с.
6. История России: В 2 т. – Т. 2: С начала XIX века до начала XXI века / А.Н.Сахаров, Л.Е. Морозова, М.А.Рахматуллин и др.; Под ред. А.Н. Сахарова. – М.: АСТ: Ермак: Астрель, 2003. – 862 с.
7. Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2009. – 576 с.
8. Кононов И. Ф. Трансформационный опыт Украины, России и Беларуси: поиск интерпретативных моделей // Вісник Луганського національного університету імені Т. Шевченка. Серія: Соціологічні науки. – 2010. – Т. 2. – Ч. I. – № 12 (199). – С. 84-108.
9. Лапкин В. В., Пантин В. И. Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России // Полис. – 2005. – № 3. – С. 44-58.
10. Ливен Д. Россия как империя и периферия // Россия в глобальной политике. – 2008. – Т. 6. – № 6. – С. 36-46.
11. Пашковский П. И. Особенности циклов модернизации России в контексте мир-системного анализа // Грані: Науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах. – Березень 2014. – № 3 (107). – С. 81-87.
12. Пашковский П. И. Россия в мировой капиталистической системе: исторический контекст позиционирования // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. – 2013. – Т. 24 (65). – № 1-2. – С. 383-395.
13. Пашковский П. И. Циклы модернизации России: исторический опыт // Науковий вісник. Одеський національний економічний університет. Всеукраїнська асоціація молодих науковців. –

Науки: економіка, політологія, історія. – 2012. – № 23 (175). – С. 73-89.

14. Политическая история России: Учебное пособие / Отв. ред. проф. В.В. Журавлёв. – М.: Юристъ, 1998. – 696 с.

15. Политология: Словарь-справочник / М. А. Василик, М.С.Вершинин и др. – М.: Гардарики, 2000. – 328 с.

16. *Примаков Е.* Россия в современном мире // Россия и Европа. Энергия сотрудничества. Т. III. / Сост. П.В. Святенков. – М.: Вече, 2014. – С. 22-28.

17. Скрынников Р. Борис Годунов. – М.: АСТ, 2003. – 416 с.

18. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории; Сб.: Пер. с англ. – М.: Айрис-пресс, 2006. – 640 с.

19. *Травин Д., Маргания О.* Европейская модернизация: В 2 кн. – Кн. 1. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2004. – 665 с.

20. *Уорт Р.* Антанга и русская революция. 1917–1918; Пер. с англ. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 271 с.

21. *Уткин А. И.* Подъём и падение Запада. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 761 с.

22. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций; Пер. с англ. – М.: АСТ, 2005. – 603 с.

23. *Хоскинг Дж.* Россия: народ и империя (1552–1917); Пер. с англ. – Смоленск: Русич, 2001. – 512 с.

24. *Чуркин М. К.* Сценарии и опыт модернизации империи в условиях освоения окраин // Вестник Омского университета. – Серия «Исторические науки». – 2015. – № 1 (5). – С. 4–11.

25. *Cohen A.* Domestic Factors Driving Russia's Foreign Policy [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.heritage.org/Research/Reports/2007/11/Domestic-Factors-Driving-Russias-Foreign-Policy>.

26. *Goldman Minton F.* Global studies: Russia, the Eurasian Republics, and Central/Eastern Europe. – Sixth edition. – Guilford: Dushkin/McGraw-Hill, 1996. – 308 p.

27. *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers. – New York: Random House, 1987. – 677 p.